

ВЛИЯНИЕ ВНЕШНИХ ФАКТОРОВ НА РАЗВИТИЕ СЕПАРАТИЗМА В СУАР КНР

Мавлонова Анна Сергеевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

В статье рассматривается важное геостратегическое положение Синьцзяна, находящегося на пересечении очагов нестабильности, как минимум имея общую границу с Афганистаном и Пакистаном. Обозначено серьезное влияние на него масштабного военного конфликта на Ближнем Востоке. Проведенный анализ показывает, что особенность данного конфликта заключается в том, что он влияет не только на политическую, но и экономическую обстановку СУАР КНР.

Цель исследования – выявление и анализ основных внешних факторов, влияющих на активизацию сепаратизма в СУАР КНР.

Что касается политического аспекта, то появление на Ближнем Востоке новой активной силы в лице «ИГ» создает определенные риски для КНР, учитывая наличие радикально настроенной молодежи, и возможность проникновения религиозных экстремистов с Ближнего Востока на его территорию через Афганистан и республики Центральной Азии. Китаю совершенно не выгодно длительная дестабилизация политической обстановки в Сирии, распад государства или победа религиозных экстремистов.

Автор также приходит к выводу, что военный конфликт на Ближнем Востоке может негативно сказаться и на реализации проекта нового Шелкового пути. Отправной его точкой является СУАР. Успешная реализация проекта будет стимулировать торгово-экономические и энергетические обмены с республиками Центральной Азии и положительно влиять на стабилизацию обстановки в СУАР. Но проблема заключается в том, что сам путь пролегает вблизи от ближневосточных регионов, где в острой фазе протекают конфликты с «ИГ».

В статье также рассматривается влияние США на обстановку в Синьцзяне и поддержка им уйгурского сепаратистского движения. В будущем уйгурский вопрос с большой вероятностью может быть использован американцами с целью ослабления и получения уступок со стороны Китая по различным вопросам.

В основе данного исследования лежат принципы общенаучного системного и структурного, а также структурно-функциональных подходов; культурно-цивилизационный и логический методы для того, чтобы обеспечить исследование проблемы в соответствии с историческими фактами и реалиями изучаемого вопроса.

Ключевые слова: Синьцзян, КНР, Центральная Азия, Сирия, сепаратизм, уйгуры, Ближний Восток

ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СИНЬЦЗЯНА

Синьцзян-Уйгурский район КНР, имея важное геостратегическое значение, находится на пересечении очагов нестабильности, как минимум имея общую границу с Афганистаном и Пакистаном. В случае эскалации конфликтного потенциала СУАР, КНР будет намного сложнее претендовать не только на место мировой державы, но и на положение ведущего государства в Азии. Это также нанесет серьезный удар по экономике

Синьцзяна, а также значительно усложнит выстраивание оси КНР – исламский мир; под угрозой будут поставлены союзнические отношения с Пакистаном и Ираном, а также республиками Центральной Азии.

В настоящий момент негативное влияние на ситуацию в Синьцзяне также оказывает существенное ухудшение геополитической обстановки во втором десятилетии XXI в. в пространстве Большого Ближнего Востока.

Из напряженных зон в данном регионе ввиду своей близости к Синьцзяну можно выделить следующие: 1. Фергана, разделенная между Узбекистаном, Киргизией и Таджикистаном; 2. Афганистан; 3. северный Пакистан; 4. Кашмир; 5. Белуджистан, разделенный между Афганистаном, Ираном и Пакистаном; 6. Тибет. Все эти регионы и конфликты в той или иной степени взаимосвязаны. Так, например, Таджикистан соприкасается с Афганистаном и Ферганой, а через ее киргизскую часть и Памир с Синьцзяном. В большинстве этих государств борьба за социальную справедливость идет под знаменем исламского фундаментализма, подчас экстремизма.

Одной из напряженных зон, находящихся вблизи Синьцзяна, как уже упоминалось выше, является Ферганская долина – перманентно нестабильный регион, где конфликт может вспыхнуть в любой момент.

Географическая близость Ферганской долины с южными районами Синьцзяна явилась одной из причин переселения уйгуров с данной территории в долину. Также, как и сами ферганцы, уйгуры из Хотана, Кашгара, Аксу и Учтурфана являются яростными приверженцами ислама. Этот факт сыграл определенную роль в их культурной ассимиляции с жителями Ферганской долины. Таким образом, исламский фундаментализм, который в настоящий момент упорно просачивается через афгано-таджикский коридор, может отыскать своих яростных последователей в первую очередь в Ферганской долине. И в данном регионе антикитайские выступления, в отличие от населения Урумчи и Кульджи, зачастую происходят с лозунгами исламского освобождения.

Особый интерес и обеспокоенность Ферганская долина представляет также ввиду того, что данная территория была и продолжает оставаться своеобразным пусковым механизмом уйгурских движений по преимуществу на западе и юге Синьцзяна. В доказательство этому можно вспомнить печальные события 1871-1881 гг., когда в Синьцзяне произошло крупное антикитайское восстание, в результате которого было образовано мусульманское государство Якуб-бека – выходца из Ферганской долины [Дубровская 1998]. Хотя очаг исламского сопротивления в тот период удалось подавить, тем не менее, это было достигнуто с большими трудностями.

На данные районы оказывают влияние достаточно радикально настроенные сепаратисты, которые используют в своих политических программах элементы ваххабитской идеологии. Английский исследователь Дж.Рудельсон, который провел несколько лет в данном автономном районе, считает, что западные и северные территории Таримской впадины от Кашгара до г. Куча исторически тяготеют к Западному Туркестану, и в особенности к народам, населяющим Ферганскую долину, и непосредственно города Коканд, Андижан, Ош и их окрестности [Рудельсон 1994].

Ситуация, которая наблюдается в настоящее время, достаточно серьезно отличается от минувших исторических событий, однако основные участники остались теми же.

Также ситуацию в данном регионе осложняют и наблюдающаяся в последние годы стремительная радикализация жителей Ферганской долины ввиду падения уровня жизни населения, сокращения число рабочих мест и реальных доходов. Следовательно, растет социальное напряжение, увеличивается число недовольных, особенно среди молодежи.

Здесь также нельзя не отметить, что из-за непосредственной близости к Афганистану стабильности как самой Ферганской долины, так и в общем государств Центральной Азии серьезно угрожает присутствие в Афганистане группировки Исламское государство. Учитывая, что Афганистан является своего рода мостом для переброски террористов в Центральную Азию, а также то, что большое количество граждан данных государств присоединились к террористической группировке ИГ в Сирии и Ираке, можно предположить, что народы этих стран, например, в Ферганской долине примыкают к рядам террористов Исламского государства.

Нестабильность военно-политической обстановки в Афганистане стала оказывать все более и более негативное влияние на Центрально-Азиатский регион и Синьцзян начиная с конца 90-х гг. XX в. И в связи с этим, особо актуальным стал вопрос касательно исламского радикализма и экстремизма, а также международного терроризма [Wallace 2014].

И если еще в первой половине 1990-х гг. ситуация в Афганистане несущественно влияла на Китай, то с появлением на военно-политической сцене движения «Талибан» ситуация стала заметно изменяться. Успехи его последователей в вооруженном конфликте с прочими афганскими группировками и захват власти в государстве во второй половине 1990-х гг. способствовали созданию крайне благоприятных условий для активизации на территории Афганистана разнообразных радикальных и экстремистских сил. И все это, в свою очередь, оказало отрицательное воздействие на ситуацию в Центральной Азии и Синьцзяне.

Эти события способствовали превращению Афганистана в базу для международного терроризма. Замечено в Афганистане и появление членов уйгурских группировок из Синьцзяна, которые могли приобрести военный опыт, благодаря участию в различного рода боевых действиях на стороне талибов, а также благодаря прохождению подготовки в лагерях «Аль-Каиды» [Сыроежкин 2006]. И по возвращению в СУАР, они могли принимать непосредственное участие в вооруженных столкновениях и акциях с представителями властей КНР, а также быть инструкторами в созданных в достаточно труднодоступных районах Китая учебно-тренировочных базах. Активисты уйгурских сепаратистов не без основания полагали, что «Аль-Каида» и движение «Талибан» являются реальной силой, способной оказать существенную помощь в образовании независимого исламского государства на территории Синьцзяна [Надточей 2014].

Таким образом, с приходом к власти в Афганистане талибов как в Центральной Азии, так и непосредственно в самом Синьцзяне стали еще более активно распространяться разнообразные радикальные исламистские организации и группировки(1), и в первую очередь, следует выделить партии «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» и группировку «Исламское движение Узбекистана». Угроза исламского экстремизма и радикализма стала для КНР вполне реальной.

В настоящий момент присутствие террористической группировки ИГ в Афганистане усиливает волнения в Китае, в особенности принимая во внимание план «Великий Хорасан», согласно которому Исламское государство планирует целенаправленно переносить свои войска в Центральную Азию с захватом Ферганской долины, где активно действуют многие экстремистские группировки, и продвигаться до китайских границ в Синьцзяне.

Что касается Пакистана, то для КНР большое значение имеет стремление через пакистанские структуры контролировать ситуацию с исламистскими террористическими и экстремистскими группами практически в китайском приграничье [Small 2015].

Пакистан не раз заявлял о своей непричастности к терактам, совершенными «Исламским движением Восточного Туркестана» и неоднократно выражал намерение оказать поддержку правительству КНР в борьбе с боевиками данного движения. Поддерживать боевиков, осевших на территории Пакистана, Исламабаду совершенно не выгодно. Для Пакистана Синьцзян является не террористическим полигоном, а платформой для укрепления экономических связей с Китаем. Тем не менее, само наличие в Пакистане как минимум трех этнических конфликтов, практически у границ КНР, вызывает серьезную озабоченность у китайских властей.

Так, например, Китай проявляет особую заинтересованность в различных проектах в сфере строительства и развития инфраструктуры в регионе Гилгит-Балтистан — части Кашмира, контролируемого Пакистаном, так как данная территория находится на пересечении многих глобальных интересов: Афганистан на севере, Китай на северо-востоке, пакистанская провинция (де-факто) Азад Кашмир на юге и индийский штат Джамму и Кашмир на юго-востоке [Kumar 2012]. При этом следует учитывать проблемы в Синьцзяне и Тибете, соседство с Афганистаном и давний интерес США к этому региону.

Пакистан для китайской провинции Синьцзян является выходом в Индийский океан через пакистанский порт Гвадар(2), переданный пакистанскими властями в управление китайской государственной компании [Антипов 2015]. Следовательно, дестабилизировать Синьцзян – значит отсечь КНР от Пакистана, и, таким образом, от выхода в Индийский океан. Такой поворот событий мог бы быть выгоден Индии, которую США считают ключевым союзником в Южной Азии.

ВЛИЯНИЕ СИРИЙСКОГО КОНФЛИКТА НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ОБСТАНОВКУ В СИНЬЦЗЯНЕ

Серьезное влияние на ситуацию в Синьцзяне в настоящем момент оказывает масштабный военный конфликт на Ближнем Востоке. Он является своего рода угрозой и вызовом для безопасности КНР, а также возможностью извлечь для себя определенные выгоды, грамотно используя ситуацию, в чем китайскую сторону нельзя упрекнуть. Особенность данного конфликта заключается в том, что он влияет не только на политическую, но и экономическую обстановку как Синьцзяна, так и Китая в целом.

Что касается политического аспекта, то тут нельзя не отметить, что появление на Ближнем Востоке новой активной силы в лице «Исламского государства» создает определенные риски для КНР. Во-первых, стоит отметить, что данная террористическая организация в последнее время активизировало свою деятельность в Афганистане. Соответственно, свои позиции «Исламское государство» укрепляет и в близлежащем Пакистане.

Конечно, учитывая, что Синьцзян, непосредственно граничит с Афганистаном и Пакистаном, данный регион также интересен для «Исламского государства», принимая во внимание то, что в Синьцзяне уйгурское население недоволено своим положением, а также наличие радикально настроенной молодежи, готовой на активные действия для изменения своего положения и возможного создания независимого мусульманского государства[Chaudhuri 2010]. Ввиду того, что граница между СУАР КНР и Пакистаном, Афганистаном и Таджикистаном, проходит высоко в горах, боевики имеют возможность пересекать границу, прихватив с собой оружие. Тем не менее, КНР до настоящего времени достаточно эффективно пресекала подобную деятельность.

Китаю совершенно не выгодна длительная дестабилизация политической обстановки в Сирии, и тем более распад государства или победа религиозных

экстремистов и образование непредсказуемого теократического государства. С другой стороны, о чем уже говорилось выше, Китай опасается того, что религиозные экстремисты из Ближнего Востока могут проникнуть на его собственную территорию через Афганистан или республики Центральной Азии.

Здесь также стоит отметить, что уйгурские экстремисты могут попытаться вести борьбу с КНР на территории государств Центральной Азии. Можно вспомнить инцидент с атакой китайского посольства в Бишкеке 30 августа 2016 г.¹ Террористом оказался этнический уйгур, гражданин Таджикистана. Это первая атака радикальных уйгурских сепаратистов на официальные учреждения КНР за пределами Китая. Подтверждено, что часть уйгуров участвуют в боевых действиях в Сирии, и если они решат вести борьбу с Китаем на территории центрально-азиатских республик, то это может повлечь за собой ухудшение обстановки в регионе, учитывая более низкий уровень спецслужб Киргизии или Казахстана по сравнению с китайским [Yin Zhiguang 2016].

Таким образом, если уйгурские сепаратисты примутся за борьбу с Китаем на территории постсоветских республик, то это вызовет большие проблемы с безопасностью и в постсоветских республиках.

Следующая проблема, с которой сталкивается Китай из-за активизации боевиков на Ближнем Востоке — экономическая — серьезная угроза для проекта нового Шелкового пути. Отправной его точкой является СУАР КНР. Для Китая реализация «Экономического пояса «Шелкового пути» чрезвычайно важна. Это не только подтягивание в развитии западных регионов Китая до уровня восточных районов, но и несомненно модернизация Синьцзяна [Yu 2016]. Это можно заметить, если взглянуть на изменившуюся транспортную инфраструктуру региона [Тоорс 2016]. Улучшение экономической обстановки, повышение уровня жизни, создание новых рабочих мест, вовлечение местного населения, стимулирование торгово-экономических и энергетических обменов с республиками Центральной Азии будут способствовать стабилизации обстановки в СУАР. Сам же путь пролегает вблизи от ближневосточных регионов, где в острой фазе протекают конфликты с «Исламским государством» [Clarke 2016].

Ввиду этого следует обратить внимание на возможный рост террористической угрозы. Многие сегодня недооценивают способность «Исламского государства» организовать теракты на пространстве от Ближнего Востока до Синьцзяна [Yin Zhiguang 2015]. Наличие у этой террористической организации этнических группировок с многочисленными выходцами из стран Центральной Азии, России, а также Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР заставляет воспринимать ее всерьез. Возможно, в этом контексте можно рассматривать попытку КНР подключить к реализации проекта ЭПШП ресурсы Шанхайской организации сотрудничества. Организация, ориентированная на борьбу с терроризмом и экстремизмом, а также имеющая некий опыт на этом направлении, действительно могла бы сыграть свою роль в усилении координации региональных усилий по обеспечению безопасности будущих экономических проектов. Тем более, это могло бы стать прекрасным опытом для самой Организации.

Также следует учитывать, что КНР получает почти половину нефти от государств Ближнего Востока, и его экономика теснейшим образом связана с данным регионом [ОПЕС Monthly Oil Market Report 2017]. Инвестиции Китая в энергетические и

¹ См. МИД Китая назвал терактом взрыв в посольстве в Бишкеке. URL: <https://rg.ru/2016/08/30/mid-kitaia-nazval-teraktom-vzryv-v-posolstve-v-bishkeke.html>

экономические проекты в Сирии и других государствах региона исчисляются миллиардами долларов².

Таким образом, ослабление позиций режима Б.Ассада, и всплеск экстремизма в регионе может отразиться на КНР как с точки зрения национальной безопасности, так и с экономической стороны.

ВОЕННАЯ ПОМОЩЬ КНР СИРИИ

Ввиду всех вышеперечисленных факторов, КНР не смогла остаться в стороне от данного ближневосточного конфликта, здесь даже стоит акцентировать, что она впервые за длительный период отошла от своей строгой позиции неучастия в военных союзах за пределами своих территориальных интересов[Chen 2016]. Можно сказать, что когда в военном конфликте в Сирии стали принимать участие уйгуры, активизация КНР на ближневосточном направлении стала лишь вопросом времени.

Так в августе 2016 г. с визитом в Сирию для проведения переговоров с министром обороны Сирии Фахадом Джассим аль-Фрейджом прибыла делегация из КНР во главе с контр-адмиралом, руководителем канцелярией по международному сотрудничеству в центральном военном совете КНР Гуань Юфеем.

Контр-адмирал заявил, что «Китай играет активную роль в политическом решении сирийского вопроса. Активно поддерживает позицию о необходимости защиты Сирией своего суверенитета и независимости. У военных Китая и Сирии существуют устоявшиеся связи, китайские военные намерены и в дальнейшем укреплять сотрудничество и связи с сирийскими военными»³.

Так, китайской стороной были высланы военные советники для оказания Сирии помощи в подготовке личного состава вооруженных сил. Конечно, в данном случае не стоит однозначно понимать данную договоренность, так как стоит разделять военную мощь государства и боеспособность армии. Если говорить о потенциале, то конечно, на сегодняшний день НОАК доступны все виды самого современного оружия [Кривопапов 2016], а что касается уровня боеспособности, то рассуждать об этом достаточно сложно. В прошлом веке НОАК не одерживала побед: были поражение в войне с Японией, в приграничных конфликтах с СССР, весьма сомнительные успехи в китайско-индийском конфликте и войне со Вьетнамом[Nie 2009]. Таким образом, подтвердить реальную боеспособность армии может только участие в боевых действиях. Тем не менее, интересно отметить, что в китайских исследованиях звучат высказывания о том, что немалую роль в освобождении Алеппо сыграла помощь КНР в подготовке личного состава вооруженных сил Сирии⁴.

² См. 2016 Oil Predictions: China Could Beat US As Top Crude Importer As Demand Surges Amid Low Prices. URL: <http://www.ibtimes.com/2016-oil-predictions-china-could-beat-us-top-crude-importer-demand-surges-amid-low-2346168> 0 3 / 3 1 / 1 6

³ См: 叙利亚副总理兼国防部长弗拉杰会见中国军队外事代表团URL: http://news.xinhuanet.com/world/2016-08/16/c_1119396907.htm // Xùliyǎ fù zǒnglǐ jiān guófáng bùzhǎng fú lǎ jié huìjiàn zhōngguó jūnduì wàishi dàibǎo tuán (Вице-премьер и по совместительству министр обороны Сирии Фахад Джассим аль-Фрейдж встретился с военной делегацией из КНР)

⁴См: 华英豪. 解放军插手叙利亚让西方吃了大亏 // http://www.armystar.com/jspl/2016-12-05_47040.html // Huá Yīngháo. Jiěfàngjūn chāshǒu xùliyǎ ràng xīfāng chīle dà kuī (НОАК вмешалась в военный конфликт в Сирии)

Соответственно, не сложно понять, что фактическая помощь Китая в сирийском конфликте не имеет большого значения, но особый смысл здесь заключается в политической составляющей. Совершенно очевидно, что Китай занимает серьезное положение на международной арене, и его позиция по отношению к легитимности Б.Асада и защите территориальной целостности и государственности в Сирии имеет серьезный вес. Также вполне оправдано желание Китая получить поддержку от России и Ирана в борьбе с экстремистами. Оказывая помощь Сирии Китай, четко следуя своим принципам, позиционирует себя как непримиримого борца с терроризмом и защитника легитимных режимов. Также участвуя в сирийском конфликте, КНР сможет лучше контролировать прибывших на войну уйгуров, и, как минимум, не допустить возвращения в Китай большинства боевиков.

РОЛЬ США В ДИСТАБИЛИЗАЦИИ ОБСТАНОВКИ В СИНЬЦЗЯНЕ

Также говоря о внешних факторах, влияющих на развитие сепаратизма в СУАР нельзя забывать о том, что разжигаемые при активной поддержке извне межнациональные конфликты, сыграли свою роковую роль в распаде не одного государства [Наумов 2014]. Здесь речь идет главным образом о США. Сепаратизм стал одним из рычагов США в борьбе с основным в настоящий момент геополитическим соперником – Китаем. И объектом пристального внимания Соединенных Штатов является СУАР КНР. Синьцзян имеет важное геостратегическое положение, недаром в свое время именно здесь уже поочередно пересекались интересы России, Великобритании, Германии, Японии, Китая и США.

Но на сегодняшний день именно США имеют как заинтересованность в дестабилизации КНР, так реальные институциональные и материальные возможности для противостояния КНР по проблеме образования независимого Синьцзяна. В будущем вполне вероятно, что уйгурский вопрос может быть использован американцами в их игре с центрально-азиатскими государствами с целью получения уступок со стороны Китая по разным вопросам.

США активно спонсируют «Всемирный уйгурский конгресс» через Национальный фонд доноров США в защиту демократии и Американскую ассоциацию уйгуров, возглавляемую Р.Кадыр. Важно отметить, что Национальный фонд доноров США оказывал поддержку «цветным революциям» и их попытки в Грузии, Сербии, Украине, Иране.

Годовая сумма выплат ВУК составляет 215 тысяч долларов [Кожемякин 2013]. Но это только официальная сумма. Очевидно, что в действительности финансирование уйгурского движения значительно больше. Об этом говорит чрезмерно активная деятельность организации: собрания в разных частях света с большим количеством делегатов, филиалы организации во многих странах, выпуск многочисленной пропагандистской литературы, видеофильмов и т.д.

В 2005 г. Соединенные Штаты добились от КНР выдачи им уйгурской диссидентки Р.Кадыр и создали ей имидж «матери всего уйгурского народа», выступающей за права уйгурского народа. Р. Кадыр в 2004 г. стала лауреатом Норвежского международного правозащитного фонда «Рафта» в области защиты прав человека, а в 2006 г. шведский

парламентарий А. Енохсон предложил её кандидатуру на Нобелевскую премию мира, что вызвало резкую критику со стороны официальных властей КНР⁵.

Таким образом, Синьцзян, будучи чрезвычайно важным геостратегическим регионом КНР и в экономическом, и в политическом плане имеет для Китая особое значение. КНР приходится строго контролировать проблемные регионы, находящиеся в прямой близости от него, чтобы их конфликтный потенциал не перешел на СУАР; так и принимать решительные и чрезвычайно ответственные шаги в своей внешней политике в регионе, прямо не примыкающему к Синьцзяну, но непосредственно влияющему не только на СУАР, но и вообще на политический и экономический вес КНР в мире. Также не стоит забывать и про поддержку уйгурского сепаратистского движения западными государствами, во главе с США. Ставка США именно на сепаратизм в Синьцзяне очевидна. В случае потери СУАР, КНР будет уже намного сложнее претендовать не только на место мировой державы, но и на положение ведущего государства в Азии. Отделение региона непременно нанесет серьезный удар по экономике Китая. Также потеря Синьцзяна значительно усложнит выстраивание оси КНР – исламский мир; под угрозу будут поставлены союзнические отношения с Пакистаном и Ираном, а также республиками Центральной Азии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) По мнению казахстанских экспертов, с начала 1990-х гг. в государствах Центральной Азии стали действовать представители следующих организаций радикального толка: сеть групп «Общество социальных реформ», «Братья-мусульмане», «Комитет исламского призыва», «Комитет мусульман Азии», «Аль-Игаса», «ХАМАС»; экстремистское течение «Товба», «Центр исламского развития» в Киргизии; религиозное течение «Акромия» в Узбекистане, «Адолат уюшмасы»
- (2) Порт «Гвадар», находящийся в провинции Белуджистан, построен при помощи Китая в 2007 году. КНР планирует использовать данный порт для экспорта своих товаров в страны Ближнего Востока, Европы и Африки. Развитие дорожно-транспортного сообщения в Пакистане является частью китайского проекта «Экономического пояса Шелкового пути». Развитие китайско-пакистанского экономического коридора включен в план 13-й пятилетки КНР (2016–2020 гг.).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Антипов К.В.* Экономический коридор «КНР – Пакистан» открывает Шелковый путь на Запад // История и современность. 2015. № 20. С. 260-272.
- Дубровская Д.В.* Судьба Синьцзяна. М.: Институт востоковедения РАН, 1998
- Кожмякин С.* Агрессивный сепаратор. Уйгурский сепаратизм на службе Вашингтона // Советская Россия. 2013. № 94.
- Кривопалов А.А.* Китайская военная мощь как новый фактор мировой политики. М.: Научный эксперт, 2016

⁵ См: Rebiya 'an insult to Peace Nobel'. URL: http://www2.chinadaily.com.cn/china/2009xinjiangriot/2007-01/09/content_8415765.htm

Надточей И.В. Исламское движение Восточного Туркестана: история, эволюция, динамика террористической активности

// Пути к миру и безопасности. 2014. № 2(47). С. 28-54

Наумов А.О. «Цветные революции» на постсоветском пространстве: взгляд десять лет спустя // Государственное управление. 2014. № 45. С. 148-176

Рудельсон Дж. Уйгуры и будущее Центральной Азии // МЭИМО. 1994. № 8 – 9. С. 98-112

Сыроежкин К.Л. Проблемы современного Китая и безопасность в Центральной Азии. Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК, 2006

Kumar S. China's Grand Strategy, Kashmir and Pakistan: Transformation of Islamabad from a Spoiler State to Frontline State for Beijing // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2012. 8. P.1200-1217

Small A. The China-Pakistan Axis: Asia's New Geopolitics. - New York: Oxford University Press, 2015

Yu Qin China's Transport Infrastructure Investment: Past, Present, and Future // Asian Economic Policy Review. 2016 . V.11.2. P. 199–217

Toops S. Reflections on China's Belt and Road Initiative // Area Development and Policy. 2016. V.1(3).P. 352-360

Chaudhuri D. Minority Economy in Xinjiang—A Source of Uyghur Resentment // China Report. 2010. V. 46(1). P.9-27

Clarke M. 'One Belt, One Road' and China's emerging Afghanistan dilemma // Australian Journal of International Affairs. 2016. V 70 (5). P. 563-579

Wallace T. China and the Regional Counter-Terrorism Structure: An Organizational Analysis // Asian Security. 2014. V.10(3).P.627-645

Chen Zheng. China Debates the Non-Interference Principle // Chinese Journal of International Politics. 2016. V. 9 (3) P. 349-374

Nie Hongyi. Explaining Chinese Solutions to Territorial Disputes with Neighbour States // Chinese Journal of International Politics. 2009. V. 2 (4). P. 487-523

OPEC Monthly Oil Market Report, 1 January 2016

殷之光。“一带一路”的历史负担：反恐战争与“政治伊斯兰”困境 // 文化纵横。2015.V.3.P.36-47 - Yīn Zhīguāng. “Yīdài yīlù” de lìshǐ fùdān: Fǎnkǒng zhànzhēng yǔ “zhèngzhì yīslán” kùnjìng// wénhuà zònghéng (Инь Чжигуан. Историческая роль инициативы «Один пояс один путь»: проблема борьбы с терроризмом и исламизмом // Культурный аспект. 2015.№.3.С.36-47

殷之光。恐怖主义与“世界新秩序”神话的破灭。// 文化纵横。2016. V.3.P.52-60 - Kǒngbù zhǔyì yǔ “shìjiè xīn zhìxù” shénhuà de pòmiè.// Wénhuà zònghéng (Инь Чжигуан. Терроризм и крушение мифа о новом мировом порядке // Культурный аспект. 2016. №.3.С. 52-60

Сведения об авторе: *Мавлонова Анна Сергеевна* – к.и.н., старший преподаватель Школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (mavlonova.anna@yandex.ru)

THE INFLUENCE OF EXTERNAL FACTORS ON THE DEVELOPMENT OF SEPARATISM IN XINJIANG

A.S.Mavlonova

The article considers the important geostrategic position of Xinjiang, located at the intersection of foci of instability, at least having a common border with Afghanistan and Pakistan.

The large-scale military conflict in the Middle East has definitely influenced the geostrategic position of Xinjiang.

The analysis shows that the peculiarity of this conflict lies in the fact that it affects not only the political, but also the economic situation of Xinjiang.

The purpose of the study is to identify and analyze the main external factors that influence the activation of separatism in Xinjiang.

As for the political aspect, the emergence of a new active force in the Middle East represented by ISIS creates certain risks for the China, given the presence of radical young people, and the possibility of religious extremists from penetrating into its territory through Afghanistan and the Central Asian republics. China does not benefit from the prolonged destabilization of the political situation in Syria, the disintegration of the state or the victory of religious extremists.

The author also comes to the conclusion that the military conflict in the Middle East can negatively affect the implementation of the project of the new Silk Road. Its starting point is Xinjiang. Successful implementation of the project will stimulate trade, economic and energy exchanges with the Central Asian republics and positively influence the stabilization of the situation in Xinjiang. But the problem lies in the fact that the road itself lies close to the Middle Eastern regions, where conflicts with the ISIS occur in the acute phase.

The article also examines the US influence on the situation in Xinjiang and support for the Uyghur separatist movement. In the future, the Uyghur issue is more likely to be used by the Americans to weaken and gain concessions from China on various issues.

This research is based on the principles of general scientific system and structural approaches, as well as structural and functional approaches; cultural-civilizational and logical methods in order to ensure the study of the problem in accordance with historical facts and realities of the issue under study.

Key words: Xinjiang, China, Central Asia, Syria, separatism, Uighurs, Middle East

REFERENCES

Antipov K.V., 2015. Economocheskiy koridor “KNR – Pakistan” otkrivaet Shelkovyi put’ na Zapad. *Istoriya i sovremennost*, № 20, pp. 260-272.

Chaudhuri D. Minority Economy in Xinjiang—A Source of Uyghur Resentment // China Report. 2010. V. 46(1). P.9-27

Chen Zheng. China Debates the Non-Interference Principle // Chinese Journal of International Politics. 2016. V. 9 (3) P. 349-374

Clarke M. ‘One Belt, One Road’ and China’s emerging Afghanistan dilemma // Australian Journal of International Affairs. 2016. V 70 (5). P. 563-579

Dubrovskaya D.V. Sudba Sinjiana. M.: Institut vostokovedeniya RAN, 1998

Kozhemyakin S., 2013. Aggressivniyi separator. Uigurskiyi separatizm na sluzhbe Vashingtona. [Aggressive separator. Uighur separatism in the service of Washington] *Sovetskaya Rossiya*, № 94.

Krivopalov A.A., 2016. *Kitaiskaya voennaya mosh’ kak noviyi factor mirovoi politiki*. [The Chinese military power as a new factor in world politics.] Moskva: Nauch’niyi ekspert

Kumar S., 2012. China’s Grand Strategy, Kashmir and Pakistan: Transformation of Islamabad from a Spoiler State to Frontline State for Beijing [Economic Corridor "China - Pakistan" opens the Silk Road to the West] // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, № 8, p.1200-1217

Nadtochei I.V., 2014. Islamskoe dvizhenie Vostochnogo Turkestana: istoriya, evoluciya, dinamika terroristicheskoj aktivnosti. [The East Turkestan Islamic Movement: History, evolution and dynamics of terrorist activity] *Puti k miru i bezopasnosti*, № 2(47), pp. 28-54

Naumov A.O., 2014. "Tsvetnie revolucii" na postsovetском prostranstve: vzgljad desyat' let spustya. [The "color revolutions" in the post-Soviet space: look ten years later] *Gosudarstvennoe upravlenie*, № 45, pp. 148-176

Nie Hongyi. Explaining Chinese Solutions to Territorial Disputes with Neighbour States // *Chinese Journal of International Politics*. 2009. V. 2 (4). P. 487-523

OPEC Monthly Oil Market Report, 1 January 2016

Rudelson Jh. Uiguri i budushee Tcentralnoi Azii // *MEIMO*. 1994. № 8 – 9. P. 98-112

Siroezhkin K.L. 2006. Problemi sovremennogo Kitaya i bezopasnost' v Centralnoi Azii. [Problems of modern China and security in Central Asia] Almati: Kazakhstanskiyi institut strategicheskikh issledovaniyi pri Prezidente RK

Small A. The China-Pakistan Axis: Asia's New Geopolitics. - New York: Oxford University Press, 2015

Toops S. Reflections on China's Belt and Road Initiative // *Area Development and Policy*. 2016. V.1(3).P. 352-360

Wallace T. China and the Regional Counter-Terrorism Structure: An Organizational Analysis // *Asian Security*. 2014. V.10(3).P.627-645

Yu Qin China's Transport Infrastructure Investment: Past, Present, and Future // *Asian Economic Policy Review*. 2016 . V.11.2. P. 199–217

Yin Zhiguang. "Yidai yilu" de lishi fudan: fankong zhanzheng yu "zhengzhi yisilan" kunjing // *Wenhua zongheng*. 2015.V.3.P.36-47 - Historical burden: the war on terror and the "political Islam" predicament // *Cultural aspect*. 2015.V.3.P.36-47

Yin Zhiguang. Kongbuzhuyi yu "shijie xin zhixu" shenhua de pomie // *Wenhua zongheng*. - Terrorism and the Disillusionment of the Myth of "New World Order" // *Cultural aspect*. 2016. V.3.P.52-60

About the author: Mavlonova Anna Sergeevna – PhD in history, Senior Lecturer, School of Asian Studies, Faculty of World Economy and International Affairs of National Research University Higher School of Economics (mavlonova.anna@yandex.ru)